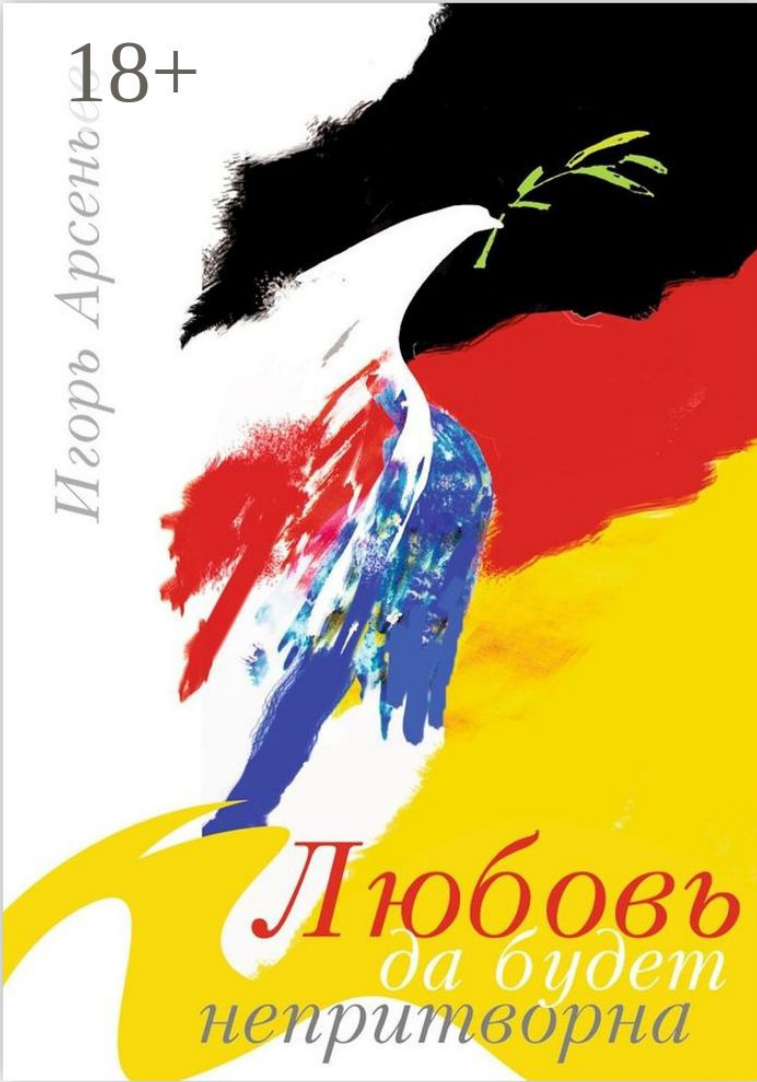
18+

Игорь Арсеньев



Любовь да будет непритворна

Игорь Михайлович Арсеньев
Любовь да будет непритворна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55850957
ISBN 9785005101198

Аннотация

Для участия в международном конкурсе педальных конструкций в 1992 году семейная пара из Санкт-Петербурга волей случая получила официальное приглашение из Германии. Однако в городе, где проводился конкурс, русских, как оказалось, не ждали.

Содержание

Операция «Веломобиль» 7
Часть первая 10
1. Необычная история 10
2. А пока – СССР 11
3. Мы, кстати… 12
4. Изобреталось и мастерилось 15
5. И – приблизительно через год 18
6. Теперь на минуточку… 21
7. Спросите: зачем? 25
8. Мрак слепил 27
9. Едва оранжевый солнечный диск 30
10. Киль 33
11. «Не презирай…» 35
12. Entschuldigung 37
13. Тем временем 38
14. За краем обширного поля 39
15. В субботу 42
16. Дезертировать передумали! 44
17. Дом, увитый плющом 47
18. Чёрный, как воронье крыло 50
19. Утром 52
20. Накануне отъезда 54
21. Ни свет, ни заря 57

22. Однообразие утомляло 62
23. Дом, который… 65
24. Проведению было угодно 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Любовь да будет непритворна

Игорь Михайлович Арсеньев

Автор рисунка обложки Геннадий Доминяк
Автор песен Геннадий Галкин
Автор двойного фотопортрета Марина Стребкова
Автор фотографии с веломобилем Зигрит Штайнау

© Игорь Михайлович Арсеньев, 2020

ISBN 978-5-0051-0119-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Рецензенты: Виктор Розов, Александр Володин, Олег Табаков, Игорь Владимиров, Донатас Банионис, Михаил Морейдо, Александр Демьяненко, Андрей Краско, Зинаида Шарко, Лев Лемке, Валентина Дроздовская, Юрий Томашевский (ЦН); Людмила Разумовская, Адольф Шапиро, Вениамин Фильштинский, Олег Басилашвили, Татьяна Пилецкая, Ольга Волкова, Валентина Панина, Сергей Мигицко, Леонид Алимов, Владас Богдонас, Сергей Дрейден, Ефим

Каменецкий, Иван Краско, Алиса Иванова, Анна Алексахина, Галина Гудова, Ирина Конопацкая, Наталья Нестерова, Игорь Тихоненко, Ирина Основина, Татьяна Батова, Марина Стребкова, Нина Арцибашева, Дмитрий Лебедев, Дмитрий Гоголин, Юлия Рудина, Светлана Дмитри, Олег Котиков, Катя Зорина, Людмила Большунова, Ирина Саликова, Юлия Серёгина, Валерий Полетаев, Людмила Вагнер, Максим Якубсон, Михаил Бондарчик, протоиерей Михаил (священник храма преподобного Серафима Саровского пос. Песочный).

Настоящий сборник охраняется Законом Российской Федерации об авторских и смежных правах глава II статьи 5,6,7,9, а также договором между Арсеньевым И. М. и Российским авторским обществом (РАО). Перепечатка и ссылки без письменного разрешения автора преследуются по закону. Театрам и творческим коллективам, желающим получить разрешение на постановку пьесы и, желающим отправить отзывы: planetnik1@gmail.com – Игорю Арсеньеву (лично).

Операция «Веломобиль» Приключения русских в Германии — путевые заметки

Тридцатого апреля 1945-го года сержант Красной Армии Николай Масалов, рискуя жизнью, спас немецкую девочку из огня в Берлине. Он стал прототипом воина, увековеченного в берлинском Трептов-парке.

«К убитой матери припала девочка трех лет, привязанная веревкой к поясу, – вспоминал Николай Масалов. – Только и запомнилось, что ее белое платьице в горошек. А еще она не могла уняться от плача: „Мутти, мутти!“ Как взял я ее на руки – тут же умолкла…».

Когда, спустя годы, попытались найти ту самую девочку, откликнулись 198 взрослых немок. Каждую из них ребенком спас советский солдат.

© Marina Strebkov

Часть первая

«Путешествие»

1. Необычная история

Необычная история приключилась со мной и моей женой Людмилой в одна тысяча девятьсот девяносто первом году в родном Санкт-Петербурге. Хотя я родился-то в Ленинграде, пусть для кого-то в Питере.

Северную столицу превозносили. Ей восхищались многие поколения живописцев, зодчих, писателей и поэтов. Жителей Ленинграда, как правило, повсеместно встречали с уважением: «А-а, ленинградец!» Восторженно: «Из Ленинграда?!» Удивлённо: «Неужели из Ленинграда?» Возможно, с грустью и даже с некоторой завистью: «Ну, если уж из самого Ленинграда!..» Словом, именно ленинградцев встречали так, будто только в Ленинграде могли жить мужественные, трудолюбивые, сердечные люди, то есть самые-самые что ни на есть настоящие, подлинные строители коммунизма! Однако (прошу заметить) куда бы «строители» не приезжали, их действительно отличали, и скромность, и вежливость, и миролюбие. Спросите, если не верите, тех, кто по-

старше, в особенности послевоенное поколение.

Итак!

Ленинград – Санкт-Петербург – Питер – северный, крупнейший промышленный и культурный центр России, город-герой, не какая-нибудь литературная фикция, а настоящий, живой, фронтовой – для всех и в себе – развернулся в поразительный рассказ, в поразительное событие – мировой факт, непреложный, незыблемый как Медный всадник или как пушечный выстрел в полдень на Флажной башне Нарышкина бастиона Петропавловской крепости!

2. А пока – СССР

А пока – СССР (Союз Советских Социалистических Республик) перестраивался и окончательно внутри себя перессорился, мне и моей жене Людмиле, вероятно, захотелось что-то изменить, а, лучше сказать, выстоять в недружественной среде коммунальной анархии незатихающей политической нервотрёпки. Ведь на наших глазах распалась Империя, которой не было равных. И нам, поневоле, пришлось вдыхать запахи ее разложения.

Я – актёр, Людмила – заведующая театральной труппой довольно известного и даже Академического театра. И, само собой, гастролей и прочей маяты с разъездами по нашей самой-самой-самой стране было в избытке. А мечталось, хоть иногда освободиться от расписаний и обязаловки. Автомо-

биля тогда у нас быть не могло. Благосостояние, сами понимаете, как у всех: «от заплаты до заплаты». Следовательно, мы, как нормальные, советские правдорубы – вечно в долгах как в шелках щемящей не развеянной грусти и тоски почему-то… неправдоподобно высокому. Велосипеды, правда, имелись, и даю слово, они никогда не пылились на антресолях.

«Быстрые ноги», именно так переводится с французского слово велосипед, без сомнения революционное средство передвижения. Но, как правило, одноместное. А лакомство, а гибкость мимолётных впечатлений? Ведь согласитесь, несправедливо и не рачительно пренебрегать тем наслаждением, тем риском, что дарит нам Роза ветров. Ибо, как предвещал оракул и древнейший наставник царей товарищ Сенека: «Желающего идти судьба ведёт, не желающего – влачит».

Вот так – из социального переутомления, всеобщей гражданской панихиды и чего-то ещё – родилась чудная идея гибрида – велика и авто, в котором, и сидения рядом, и педали вместо мотора, а всякого рода мечтания, романтика плюс поэзия, как паруса зыбкой надежды страстной и неразрывной любви!

3. Мы, кстати…

Мы, кстати, возникло не сразу. Поначалу (я) был одинодинёшенек. Людмила и сотоварищи по искусству приняли

затею с веломобилем тускло, неровно, где-то даже с опаской, как дурное предчувствие, как нечто угрожающее нашему гуманному братству. Но скорей всего, они просто-напросто не поверили, что такое вообще допустимо в обществе вроде бы взрослых и адекватных людей.

Однако, на мой взгляд, друзья и приятели не смогли прочувствовать до конца в затее с веломобилем, скажем так, никакого что ли… бурлеска или шарма, ну то есть… совсем – совсем ничего … «кроме дури». Некоторые из них шершаво, по-стариковски вертляво шутили, иные иронизировали, иные демонстративно и глубокомысленно перемигивались, пожимая плечами, словом, все они… усомнились. Но зато я понял, что заблуждался в себе, и бесповоротно решил, что пришло время подвижного – парадоксального поступка. Я вышел из игры, сбежал из актерской профессии!

А что, заманчиво хлопнуть дверью, ломая пушистые ветки актёрского самолюбия. В театре я, как все, крепостной – без малого двадцать лет, и постоянно – спектакли, репетиции, и не то, что бы времени, воздуху, воздуху-с не хватало на пустяки. А мой пустяк – мой конёк-горбунок, моя таратайка, божия коровка, прихоть, вымысел, бред, химера, мои «быстрые ноги» в моем воображении, словно роковая любовь, решительно не имела заднего хода. И где-то уже напропалую, вовсю молотились его пустяковые, смешные педальки, сокрушая душевные переживания жены и всех маловеров притом, что я пока решительно не понимал, и даже

не представлял с чего начать строительство своего детища.

Завиральные мысли, вздорная забава ни при каких обстоятельствах не хочет и не может быть полуправдой. А значит, я должен, направить, наполнить свою пока полуправду, всамделишным то бишь личностным – сугубо своим индивидуальным содержанием.

Многие предрекали провал. Порой, мне казалось, что я сам себя затравил, сознательно загнал себя в угол. Хотя, разумеется, я понимал, что неплохо бы составить первоначальный проект. Я помню рисунки, эскизы, клочки, странного вида наброски. Идея «фикс» таилась, осторожно перебирая лапками, выдвигалась на меня из сумятицы образов – мутных понятий о таинственной ходовой части, трансмиссии, миделе, развале-схождении, обгонной муфте, туклипсах, переключателях скоростей… Представьте мои походы на велосипедные толкучки, лазанье по городским и заводским свалкам, ползанье под автомобилями в густом, липком тумане петербургских трущоб. Представьте бесчисленные расспросы с пристрастием; штудирование журналов, профессиональных брошюр; возобновление школьных навыков чертёжника, токаря, слесаря, фрезеровщика… И поначалу (не стану лукавить) всё прямо-таки валилось из рук и куда-то стремилось – совсем не туда. Но! Отступать, было поздно. Да и не хотелось сдавать свою сумасбродную идею в архив памяти, предавая себя на позор. Нет-нет, не поддался я на голос своего малодушного хлюпика – выстоял до конца, и гор-

жусь этим поныне!

4. Изобреталось и мастерилось

Изобреталось и мастерилось всё или почти всё, как говорят, на коленях. Новые велосипедные части – купить в то время было проблемой. Мастерской временно стала кухня и широченный, в духе старых петербургских квартир, подоконник, на котором свободно разместился небольшой, однако, универсальный металлообрабатывающий станок, приобретенный по случаю. Раму веломобиля «варили» по великому блату в недрах Мариинки, тогда еще всемирно известного театра оперы и балета им. С. М. Кирова. И вскоре фантазия приобрела реальные очертания. До мечты можно было дотронуться, погладить, и даже толкнуть. Уверенность и совершенство в ремесленных навыках завоёвывались поэтапно. В определённый момент я вдруг почувствовал в себе новые, неведомые для меня ощущения, что-то вроде призвания инженера-конструктора, и даже, если угодно, талант демиурга. Я как бы окуклился, жил в каком-то причудливом, совершенно для меня ином пространственно-временном континууме, в котором про меня будто забыли.

Нет, конечно, меня навещали, мне улыбались, подбадривали – иногда, но я по-прежнему ощущал своё одиночество. Упрямство моё матерело. Воображение высвобождалось. Мысль о путешествии на собственном веломобиле рас-

ширилась и взметнулась на такую орбиту вдохновения, что спорить со мной стало небезопасно! И вместе с тем, я отчетливо понимал, что со мной происходило – нечто радикальное. Неожиданный вывих сознания и реализация новых способностей, помогли мне абстрагироваться, обезопасить себя, в известном смысле, отвлечься от мутной, постсоветской, во многом бандитской действительности.

Уместно будет сказать, что я всё-таки не могу как следует любить Петербург в девяностые годы. Тогда почти мгновенно, причем повсюду явился душок пресловутой «похабной квартирки» – кафешантан Вяземской лавры. Страшный, гнуснейший просочился кабак! С переименованием города или нет, но сходу в городе пробудилась тёмная, подвальная, крысиная его сущность – миазмы дореволюционных, а теперь уже новых реалий. Ленинград переродился. Город насытился и провонял смрадом нескончаемых бандитских разборок. Новый Петербург стал неряшливым, оплеванным и кровавым вдвойне. Ужасы, кошмары источали улицы Ленинграда в девяносто втором. Апокалипсические картины сумбура неофициального, неоткрыточного Петербурга, его пришибленность, нерадение, необратимость – царили повсюду Запомнились не убранные или наскоро отремонтированные, захламлённые дворы, аммиачные парадные, жуть подвальных лабиринтов, беспризорные дети, бесчисленные наркоманы, бомжи явились, словно из потустороннего, мрачного мира… А театр – мой театр, которому

я служил верой и правдой, из труженика превратился в химеру! Весь этот – новомодный, нескончаемый, разноцветный гламур, «наезды на классиков»… Анафеме был предан именно русский классический репертуар! И это не фантазия, не аллегория. Кто-то скажет: «К чему сгущать краски? Ведь можно выражать чувства нейтральным, кастрированным, диетическим образом». Можно – конечно. Однако я вырос, моя душа вскормлена бесчисленными испарениями, этой правдой без дна. И видимо неспроста меня телепортировали неведомой властью туда, где во мне уже обитали мои новые чувства и мечты о какой-то своей, личной свободе передвижения. А стремление к безопасности, как известно, потребность психологическая, может быть, психиатрическая…

Короче: веломобиль, мечты о странствии, стали для меня выходом в иное, в своём роде, летаргическое состояние между смертью и жизнью, в котором я не сразу, но постепенно освоился.

О, как по-новому загомонил во мне мой «смешной человек», мой блаженный дурак!

– «Вот она, вот голубица, севшая ветру на длань», – кричал я беззвучно в себя!

Однако никто мне не верил, особо не понимал, и все же я упорно трудился, «крутил свою гайку», ждал, терпел несуразности всякого рода, и, конечно, стопудово был прав!

5. И – приблизительно через год

И – приблизительно через год великанского терпения и труда, в наш растревоженный семейный мирок с хрустом цепных передач и скрипа новых покрышек на самодельных колесах, вкатился банальнейший из вопросов:

– Ехать – куда?

Понятно, что двигаться можно в любом направлении: хоть в Царское село, хоть в Белоостров, хоть на Камчатку, Саяны… едино – лишь бы подальше от коммунального быта, городского угара и копоти.

– Авантюризм! – с усмешкой, методически провозглашала Людмила.

– Прекрасно! – вторил я ей. – Будет что вспомнить на старости лет! Будет что рассказать внукам, когда придёт черёд их странствий!

– Каких странствий, безумный?! – не сдавалась жена. – Нормальные люди, кому надо – прекрасно доберутся куда угодно на поезде, и на, на, на…

Много, ох, много разрабатывалось маршрутов, один хуже другого! Но и стихийного в нашей любопытнейшей жиз-

ни немало. Людмила однажды вернулась домой с лицом смешанным и потому фантастическим. Казалось, её лицевые мышцы парализовало. Ей с трудом давалось воспроизведение каждого звука.

– Ты знаешь, – наконец сказала она, – возле Гостинки я встретила иностранную студентку, и – представь, её обокрали!

Я неуклюже пытался хохмить, но, скорей всего от зажима и страха, тем самым ещё больше смутил себя и свою половину.

– Не знаю, как это случилось, но бедняжка без ничего!

– Догола раздели студентку?

– Смейся… Деньги, документы пропали! Девочка в отчаянном положении. Ты бы видел, как она мучилась. Я полагаю, что с ней такое впервые. Игорь, представь, – распалялась всё больше Людмила, – прикатил человек из такой дали, и не куда-нибудь, а в Санкт-Петербург! Разумеется, Карола надеялась на что-то доброе, интеллектуальное, наконец. А тут… Словом, я поделилась Я отдала студентке все деньги – все, что у меня были с собой. Карола приняла помощь в обмен на наш адрес и телефон. Вот, – завершила Людмила, положив передо мной скомканный обрывок от шоколадной обертки.

Карола, кстати сказать, с отменным знанием русского языка, довольно высокая, коротко остриженная, темноволосая девушка в джинсовом костюме, действительно, очень скоро нашлась. Она позвонила в дверь нашей тёмной, однако просторной квартиры, что в центре города на Гороховой улице, и чуть ни с порога воскликнула, когда увидела «нашу марку».

– Ого! Товарищи, да вы просто обязаны поехать на таком чуде в Германию!

– Куда?! – спросили мы, не сговариваясь, в два горла.

– В Германию. В город велосипедов – Эрланген, – завершила студентка.

– Эр-лан-ген… Эр-ланген…

Название города для нас прозвучало впервые как выстрел, как революция, как нечто таинственное с бермудским акцентом! Я бредил, я стенал, ползая по старой, затёртой до дыр школьной географической карте…

– Эрланген находиться в центре Германии. Эрланген – город велосипедов, где ежегодно проводятся фестивали веломобилей! Людочка, как тебе такой поворот, а?

– Ага! Садись – поехали!

– Людмила…

– Игорёчек, милый, родной, – закрывая мне рот ладонью жена, – не вдохновляйся. Прекрасно знаешь, что твой, мягко говоря, ве-ло-мо-биль не достроен. И совсем не испытан. Неужели тебе хочется рисковать жизнью?

– Да!

– Короче: на металлоломе мы… я – никуда не поеду! – прозвучало как приговор.

Но уже через месяц наша знакомая почтальонка с бескровным от удивления лицом, внесла в нашу квартиру заграничный конверт! А в нём (туды-т твою растуды) мы нашли ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ!

6. Теперь на минуточку…

Теперь на минуточку представим, что в недавнем социалистическом прошлом, два – обаятельнейших, целеустремлённейшых, далеко не старых существа – ни разу не покидали пределов своей пролетарской отчизны! Страны бывшего Советского Союза не в счёт, по понятным причинам. Однако сегодня, когда Турция или то же Египет превратились, чуть ли не в туристическую Мекку обновленной, демократической России, в восторженных восклицаниях: «Ура, нас пригласили на загнивающий запад!» – вы не найдёте для себя ничего напряжённого. Напоминаю: сегодня. Да? Но – не тогда.

А тут – Германия. Да подумаешь, какой-то Эрланген! Но «тогда» – в дерзком девяносто втором…

Эх!

Если коротко рассказать, что означали «тогда» гастроли любого театрального коллектива в Европу, то вы бы знали, что в монтировщиках сцены, реквизиторах, костюмерах, подчас, значился чуть ли не весь состав местного Управления культуры. Бывали отдельные случаи, когда даже режиссёра спектакля, в виду его политической или какой-нибудь другой неблагонадёжности, на гастроли вовсе не брали. Но зато всегда находились многочисленные, милейшие родственники управленцев, еже с ними любовники, любовницы, да и просто «чай заседатели» обкомов, горкомов, профсоюзных, министерских калибров, которым всегда находилось место в массовых сценах, если таковые имелись. Так что до развала Союза, мы были вынуждены сидеть взаперти, словно на вселенской гауптвахте!

А дальше началось, как сказал известный историк, «собирание факторов!» Денег особых не было, не говоря уже об иностранной валюте. И я скрупулёзно, как мог, честно пытался найти вспоможение. Я планомерно обходил одно за другим банковские учреждения, где меня неизменно встречали парни в малиновых пиджаках. На территорию модного «тогда» евроремонта, меня, как дворнягу с улицы, не пускали. Мне приходилось с порога излагать свою затею о предстоящем путешествии в Германии на веломоби-

ле. Я показывал фотографии почти готового агрегата, описывал принцип его действия, вдохновенно раскладывал перед охранниками (жуть, как вспомню!) карту предполагаемого маршрута. Я демонстрировал им, придуманную мной печку из жести, на которой мы с женой собирались готовить себе еду. Однако дело дальше пустых разговоров не шло, и меня вежливо, а, порой, не очень – посылали за ворота.

Но я до того расхрабрился, что однажды прямо-таки ввалился в посольство Финляндии! Но, очевидно, и там я молниеносно перешёл границы дозволенного. К примеру, я пытался рассказать финским друзьям о съёмном колесе веломобиля, на котором «без проблем» я мог бы из любой колобашки вытачивать круглые рамочки для фотографий или художественной вышивки. К тому же, без электричества, без капли бензина. Такое, знаете, шоу на городских площадях для развлечения туристов. Но! Мне всё-таки разъяснили, что, ни в Финляндии, ни в Швеции, ни в Норвегии, ни в Дании – с рамочками для фотографий дефицита нет. Следовательно, ни в какие организации, связанные с экологией и дружбой народов с городами-побратимами, посольство Финляндии обращаться не станет.

Я не сдавался. Я воевал. Я отправлял множество увещевательных писем различным благотворителям, в редакции своих любимых «тогда» московских журналов: «Моделист-конструктор», «Наука и жизнь»; особняком в General Motors Corporation, причем на английском языке, взяв в союзники,

текст битловского шлягера «The fool on the hill»[1]

Он день за днем на склоне холма
Сидит и смотрит вокруг с улыбкой глупой весьма.
И никто его знать не хочет – всем понятно, что он дурак…

Писем было множество. Отклик один: формальный, однако учтивый отказ из Америки.

– Людмила, – стенал я, – что делать? Смириться? А как быть с приглашением? Да ведь обидно! Честное слово, бездарно, если профукаем ситуацию, не сумеем воспользоваться. Ведь сколько положено усилий, сколько труда! И напрасно?

– Я полагаю, – на редкость спокойно прервала поток моих словопрений Людмила, – я полагаю, – повторила она, – что нам пора покупать билеты на паром «Анна Каренина».

– Что? – удивился я. – Билеты? На паром «Анна Каренина»?!

– Да, дорогой, ты не ослышался, милый. Пришло время и нам подняться на борт фешенебельного, огромного, белоснежного как Арктика, парома «Анна Каренина». В Китае – стена. В Иерусалиме – стена. В Берлине слава Богу уже растащили. Стены надо ломать – пора выходить в люди!

---

[1] The fool on the hill (анг.) Дурак на холме.

В итоге: квартиру на все лето мы сдали в аренду. На руки получили девятьсот баксов, и поверьте, «тогда» это был единственно возможный вариант наступления!

7. Спросите: зачем?

Спросите: зачем ехать куда-то сломя голову за семь вёрст киселя хлебать? Может не зря мои друзья-доброжелатели у виска пальцем крутили. Ведь для рассудочного, вдумчивого интеллектуала путешествие на самодельном, к тому же, не испытанном веломобиле, мягко сказать, нелогичный поступок, «базар и павлиньи перья». Для рабочего человека – человека активного действия – уход – кривляние, фокусы, пустая трата времени, денег и сил. Пусть я обычный пацан, получивший свои первые непритязательные знания жизни в послевоенной, коммунальной квартире дома с колоннами, стоящего прямо напротив Московского вокзала. Пусть я учился в школе на бывшей улице Знаменской, работал на колоссальном машиностроительном предприятии, там же впервые с трепетом вышел на сцену Народного театра. А дальше? Ведь, можно сказать, повезло: я поступил – выучился на актера в престижном московском вузе, казалось бы, радуйся!

Ухарь ли куражится во мне – лихой человек, но где, какое тут петушиное слово?

Бог весть!

Однако во время оно, в означенный день и час – на рассвете, пока улицы пусты и прохладны, а мосты едва сомкнули над свинцовой водой свои стальные ладони. Под шепот капризного, балтийского бриза новые пилигримы покидали чертоги величественного и всё-таки любимого Города!

Фары, поворотники предательски глючили. Я мыкался с паяльником до последней минуты. Таможенники и те удивились. Видавшие виды, они, при оформлении выездных документов, даже опешили, увидев веломобиль. А потом пришли в замешательство. Опытные пограничники толком не знали, как классифицировать «четырёхколёсное чудо». Они долго судили-рядили, даже хотели развернуть нас обратно, но, разглядев, наконец, подпись одного из членов правительства Города, вписали веломобиль как «мотоцикл с коляской».

Радость, свобода – нас обуяли! Еще бы! Вместо примитивной бибикалки впереди нас победоносно неслась раздольная, великая русская песня «Катюша»! Улыбчивые такелажники поместили веломобиль в лоне многоэтажного, как сказочный сон корабля, пока мы, вымотанные до предела, воспринимали происходящее с помехами, точно через комнатную антенну телевизора советского образца. Я даже не помню, как мы добрались до своей каюты. Не помню, как обрушились в сон. Оттого, наверное, не было, ни пафосных слов, ни ностальгических взглядов назад…

Город трёх революций, вечного «Преступления и наказания» – расплылся, растаял в сердцах «Униженных и оскорблённых», которым любить было легче – честнее, чем ненавидеть!

8. Мрак слепил

Мрак слепил. Я проснулся среди ночи, стараясь сообразить: откуда доносится монотонный гул и что это значит?

– Людмила, – позвал я жену, – спишь?
– Включи свет, – послышалось снизу.

В кромешной, казалось, плотной как картон тьме, я перекочевал на нижнюю полку. В памяти постепенно восстанавливалась картина вчерашнего, суматошного дня.

– Волнуешься? – отчего-то шепотом спросила Людмила.
– Нет. А ты?

Выбрались из каюты. Казино, рестораны – крутились. Держась за руки, мы плутали по кораблю, наугад перемещаясь на лифтах. На верхней палубе нас приняла под свои могучие своды – божественная, роскошная полночь. Безоблачный горизонт беспрепятственно тянулся и стремился по кругу. В вышине блистали недостижимые звёзды, они, точно

«золотые яблоки солнца» отражались в маслянистой, перекатной волне. Творящая, щедрая сила царила над нами. И казалось, что мы не плывем, а летим на невероятно большом, космическом корабле через пространство и время, туда, где нет, ни корысти, ни зависти, ни злобы, где нас без сомнения любят и ждут. От переизбытка восторженных чувств, хотелось смеяться, петь, танцевать, кричать от радости и плакать одновременно! Казалось, что мы были в объятьях Вселенной, испытывая, поистине волшебное очарование, как предвкушение долгожданного, величайшего покоя и абсолютного, гармоничного счастья!

Лишь на рассвете мы вернулись в каюту и поняли, что в животах у нас дует. По расписанию поднялись в ресторан. Вокруг звучал непривычный для нас коктейль из иностранных словечек. На столах, в дурмане трепетных ароматов «шведского стола», изобилие разных вкусностей. Бананы, соки – в ассортименте. Естественно, что поначалу мы растерялись, подталкивая один другого, осваивались, что называется, на ходу. Смятение долго не покидало нас. Представьте пару, одетую в синие, хлопчатобумажные, советские треники, футболки неважнецкого, мятого вида, а на ногах, само собой, всепогодные, вседоступные «скороходы», то бишь нормальные советские кеды, да? И всё это на фоне пёстрой, импортной made in. Вокруг дамы и господа – и мы – два товарища.

Под ногами ковры. Мы внимательно смотрели под ноги,

боялись оступиться, или, того хуже, споткнуться, и, не дай Бог, двинуть какого-нибудь подносом с едой. Впрочем, выручала профессия: лицедейство. Да и атмосфера – вполне дружелюбная. Насытившись, сдуру набрали в карманы йогурта, притащили в каюту сыр, сливки, которые съесть не успели, а может, уже не могли. Зато за коньяком и шоколадом в магазине беспошлинной торговли (duty free) интурист проворней нас оказался. В основном шведы хапали наперегонки. Они чуть ли не в драку брали, судача между собой: «Good, cool, дескать, не дорого, бла-бла-бла!» Но мы-то считали валюту. Для куража тяпнули по грамульке да и вышли себе на палубу, комики, рассекать под солнышком, типа: можем и мы от нечего делать просто так – прошвырнуться.

Однако время тянулось, и незаметно от нашей фальшивой раскованности и чопорности иностранцев не осталось следа. Говорить в открытую пока не решались. Людмила, особенно поначалу, ужасно конфузилась. Она долго не могла вступить в диалог. Я быстрее адаптировался, слова хватал на лету будто голодная чайка хлебные крошки. И рубил фразы, точно дрова – грубо, безбожно, и (йо-маё) искренне удивлялся, когда меня понимали. Так что к концу путешествия соседи, да и все пассажиры «Аннушки» казались нам как бы немножко ребятками с параллельного курса. Лица их стали ближе, и как будто роднее. А мы охотно делились тем, чем сами владели. Даже пробовали произносить некоторые зако-

выристые, довольно сложные предложения, исходя из личного житейского опыта, вначале с опаской, но потом приспособились – звуки сопровождать жестами. Результат – потрясающий. Иноземцы, надо отдать им должное, тоже искали общения. Фарфоровые улыбки на лицах кипели.

«Анна Каренина – ист о'кей! Лев Толстой – дас ист вундоба! Водка! Калинка-малинка, ощень карашо!» Стандартный набор восклицаний.

И прекрасно мы понимали, что перед нами не какие-то бюргеры-толстосумы, а самые обыкновенные труженики: учителя, рыбаки, медсёстры, пожарные… А желание общаться свободно – было искренним, обоюдным, оттого вполне радостным и простым, но в тоже время, значительным.

9. Едва оранжевый солнечный диск

Едва оранжевый, солнечный, будто глянцевый апельсин, коснулся ребристой глади Балтийской волны, наш экипаж, под множественные возгласы и вспышки фотокамер, совершил свой первый круг почёта. И мы беспрепятственно выкатились за ворота таможенного контроля.

– Стоп! Тормози! – приказала Людмила.
– Людмила, в чём дело?

– В наших паспортах никто не сделал отметки. Мы въехали в чужую страну незаконно.

– Действительно, странно, почему они нас так легко пропустили?

Людмила, прихватив паспорта, поспешно вернулась в таможенную зону контроля. Я остался в веломобиле, озираясь по сторонам, наблюдал. Понятно, что порт и прилегающий к нему проспект – наполовину техническая зона. Вокруг, однако, было просторно, ни ожидаемых небоскрёбов, ни треска, ни гама и прочей городской шумихи, я не заметил. Невысокие здания выстроились ровно, точно на параде, каждому было отведено своё место и назначение. Мимо прошуршала миниатюрная уборочная машина, водитель которой, в опрятном фирменном комбинезоне как бы играючи подметал и без того чистый блестящий от влаги асфальт. Редкие прохожие не без интереса разглядывали веломобиль и меня. Кто-то улыбался, кто-то приветливо махнул мне рукой. Иные просто здоровались. И это было весьма непривычно уже потому, что мне кивали, со мной напрямую общались незнакомые люди…

– Прямо как в русской деревне, – отметила Людмила, когда вернулась в компании с бронзовым от загара мужчиной в форме таможенной службы.

Мужчина попросил включить световые приборы веломобиля. Я не без волнения выполнил его просьбу. Чиновник обошел вокруг, махнул рукой и – отчалил.

– А где … – смеясь, спросила Людмила, – этот, как его, бишь, кемпинг?

– Недалеко, – мужчина указал направление, – пятнадцать, может быть, двадцать пять километров. Езжайте прямо вдоль побережья – найдете.

– А – Эрланген? В какую сторону ехать, товарищ? – спросила Людмила.

Но бронзовый собрат, похоже, нас не расслышал.

Вы спросите: была ли у нас карта? Отвечаю: была. Однако кемпинга, даже в радиусе сорока километров, мы не обнаружили. По-русски двинулись – на авось, вдоль побережья, как было сказано, по специальной дорожке для велосипедистов.

Гордость переполняла меня! Буквально всё во мне трепетало, как вдруг…

– Что случилось? – с тревогой спросила Людмила.

– Да так, чепуха, – сказал я как можно спокойней, предчувствуя бурю эмоций, – но, кажется, шестерня полетела.

Мы трепыхались будто рыбёшки, выброшенные волною

на камни, хватая губами воздух беззвучно…

10. Киль

Киль. Вечереет. В домах зажигаются окна, мерцают разноцветные рекламные огни. Людей на улицах, в особенности молодых, становилось всё больше, а нас, точно подвесили: что делать, куда идти? Я толкаю перед собой неисправный веломобиль. Людмила правит и плачет.

Ах, как весело, как славно было на комфортабельном плавучем острове, на котором, и под звездами, и в бурю, и в штиль есть современная навигация, неусыпная вахта, усатый, опытный капитан, и даже настоящая пальма! Еще утром мы были так беззаботны, дружелюбны и готовы к любому общению. А что теперь?

– Люда, прошу тебя, не раскисай! – пытался я уравновесить ситуацию. – Куда подевалось твоё мужество? Где кураж? Оглянись. Мы не в пустыне. Вокруг жизнь, люди, которые наверняка помогут нам отыскать мастерскую. Завтра мы устраним поломку, и я уверен, отправимся дальше…

– Завтра? А что будет с нами сегодня? – как ребенок сопела Людмила с «глазами подвижными, как пламень».

Однако не думайте, что мы настолько дурашливы. Накануне отъезда некоторое время у нас гостили Рене и Нейсон –

выпускники Вальдорфской школы из немецкого города Констанц. Перед отъездом ребята передали нам адрес в Киле, где нас, в случае крайней нужды, смогут принять. И, разумеется, мы разыскали нужную улицу, дом и, около одиннадцати вечера, дверь, в которую мы позвонили, открыла милая девушка.

– Хэлло! – произнесла она томно, хлебнув винцо из бокала.

На девушке видимо наспех был накинут экстравагантный в восточном духе капот, и, как мне показалось, на голое тело.

– Привет, – я старался держаться свободнее. – Меня зовут Игорь, жену – Людмила. Мы из Ленинграда, то есть из Санкт-Петербурга. Ваш адрес нам предложили наши… общие… добрые знакомые – Нейсон и Рене. Знаете таких?

– Was? (что?) – рассеянно поинтересовалась хозяйка огнедышащих, шелковых драконов.

– Веломобиль – kaputt![2] – я пытался совмещать языки. – Мы – русские, verstehst du?[3] Ночь на дворе. Разрешите хотя бы зайти? – сказал я как можно аристократичнее.

– О-о! Здравствуйте! Очень приятно! – ответила светозарная красота и совершенно по-русски.

---

[2] Сломан (нем.).

[3] Понимаете? (нем.)

– Посмотрите, – сказал не без удовольствия я, – на чём мы к вам прикатились? – жестом приглашая насладиться дизайном нашего тильбюри.

– О, schön (мило), очень хорошо, – кивая головкой, улыбаясь, полуголая затворила дверь у нас перед носом: бумс!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Мы – охренели, если не сказать круче.

Вдобавок еще раз сверили улицу, дом: совпадает. «Здравствуйте, очень приятно…» отдавалось эхом в ушах. А вокруг ни души. Вторично стреножить «ядовитых драконов» уже совсем не хотелось. Но пришло осознание: ура, мы – подзаборники, следовательно, приключения начались!

11. «Не презирай…»

> «Не презирай никакого состояния в мире, и ты иногда усмотришь нечто прекрасное!»[4]

Торжественность окружила нас, истинная красота величия случая! Однако вовремя, – подумали мы, – неспроста оказались на улице. Опомнились, как после ледяного душа, и сошлись во мнении, что этакий вензель, своего рода, лягание, есть символ наших дальнейших мытарств.

Ночь – полночь. Прохожих на улицах становилось с каж-

---

[4] В. Розанов «Опавшие листья»

дой минутой меньше. Иностранный, чуждый нам город засыпал на наших глазах, а мы, будто на неведомой, далекой планете, отыскали в безымянном (для нас) тупике местечко под фонарем, словно под какой-то звездой, распаковали спальники, да и уткнулись один в другого; как-никак, а «гнёздышко на двоих», хоть тонкая крыша над головой, да своя.

– В детстве перед выходом на улицу, – вспоминала Людмила, – я всегда надевала какую-нибудь яркую – броскую вещь, чтобы, если стану жертвой похищения, случайные свидетели, которым я засветила своим шарфом, помогли меня отыскать.

– А я перед тем, как нам должны были делать прививки в школе, рисовал себе полосы на руках шариковой ручкой, типа я тигр и ничего не боюсь.

– Помогало? – с улыбкой спросила она.

– Реально – придавало храбрости…

Перекантовались и не заметили, как солнечные потоки света постепенно высветили поворот улицы, сквер за чугунной оградой, как появились торговцы газетами, молоком, горячими булочками… Я разлепил глаза, и первое что я разглядел: вывеску, висящую на другой стороне улицы:

Ремонт шин и колёс – настройка велосипедов.

12. Entschuldigung

– Entschuldigung, – обратился я к первому встречному, – wo ist deine Toilette?[5]

Но местные люди один за другим, казалось, отказывались меня понимать. Они сторонились, шарахались от меня как от прокаженного. Я допускаю, что в порыве неуместного энтузиазма я не должным образом артикулировал, немецкое произношение, которое в жизни не практиковал, однако, ещё минута – и нас буквально окатило отчаянием. И тут, словно из воздуха, соткалось кружевное дымчатое привидение. Дама с собачкой хватает Людмилу за руку и, приговаривая, schnell, schnell[6], потащила ее за собой.

Спасительная бензоколонка оказалась в двух шагах, за углом. Дама запихнула нас в дверь, мы вошли, а там эдакий Тумба Юханссон, смуглый здоровяк турецких кровей с лицом заспанным и вовсе, казалось, без глаз – всего-то пол подметает. Но он не пускает нас. Он тычет под ноги нам шваброй. Мы вежливо, как в школе учили, поздоровались с дядей, извинились, деликатно поинтересовались: «Нельзя ли воспользоваться?..» Для наглядности, я вырезал в воздухе, словно лобзиком, фигуру в виде нулей. И это (вдумай-

---

[5] Простите, где у вас туалет? (нем.)

[6] Быстро, быстро … (нем.)

тесь) в нашем – экзальтированном положении!

Собачонка мадам буквально зашлась от визгливого лая, увидев наши перекошенные физиономии. Неизвестная женщина, точно хищная гарпия, ворвалась в помещение, и без паузы поместила в уши толстяка такую… словесную фантазию, которая не нуждалась в особенном переводе, но лишь в восклицательном знаке в виде дамского зонтика, который будто нечаянно натолкнулся на плешь толстяка! И тот буквально на наших глазах, что называется, просветился. Прокуда-хам потеплел, колдовство улетучилось, уборщик вспотел и, как показалось, превратился в смешливого, милого, почти знакомого петербургского забулдыгу, когда я, прощаясь, вывесил свои карманы наружу, чтобы тот не подумал, что мы его обокрали.

Так, между прочим, мы осваивались в новых для нас предлагаемых обстоятельствах. А дама с собачкой исчезла, как радужный мыльный пузырь: пуф и нет!

13. Тем временем

Тем временем, обменяв валюту, мы закупили съестное и вернулись на место, где провели ночь. Наш эксклюзив был в полной сохранности. Странно, но у нас не возникало даже тени сомнений в том, что с веломобилем может что-то произойти. Почему жила в нас такая уверенность, я не знаю?

Однако задаю себе этот вопрос до сих пор. И пока мы гадали, мимо нас прошелестела миниатюрное, трёхколёсное нечто. Водитель электромобиля тоже, в свою очередь, весьма удивился, увидев наш двухместный дормез. Мы обменялись с водителем одобрительными взглядами, и не прошло десяти минут, как мы пожимали друг другу руки. Ведь Ёзеф (умница, каких мало) оказался хозяином велосервиса, открытия которого мы с нетерпением ожидали. Мастер изучил ситуацию, заменил сломанную шестерёнку на другую, которая больше подходила для нашего «нестандартного случая». И, таким образом, ремонт был произведён безукоризненно, без суеты, а главное, совершенно бесплатно. А, через каких-нибудь четверть часа, мы покинули Киль, выехав на простор – к морю – через длиннющий мост навстречу ветру и новым зачётам!

14. За краем обширного поля

За краем обширного поля особых чудес не было. Зато мы удачно проскочили лесок. К вечеру буквально со скрипом добрались до стоянки. Подшипник задней оси загоняли многотонным прессом в недрах Мариинского театра, да видно перестарались. Так что, въехали мы на территорию кемпинга, что называется, с музыкой. Не удивительно, что на нас обратили внимание.

В кассе мы заплатили за место положенные пятнадцать

марок, наскоро перекусили, установили палатку и легли отдыхать. Однако сна не было. Нас душили сомнения.

– Да, скрипит … – проговорила Людмила, устраивая ступни ног.

– Да и хрен с ним! – сказал я, растянувшись во весь рост на надувном матрасе с блаженной улыбкой на тронутом вольным, обжигающим ветром лице.

– Вот именно, – возразила Людмила, – всё ради приличия.

– Люда, в чём ты меня обвиняешь? Разве я виноват, что не хватило времени на испытание веломобиля? Ты вспомни, как мы удирали.

– Игорь, – Людмила привстала, – а давай, – на ее лицо лег оранжевый отсвет палатки, – давай мы никуда не поедем. Останемся в кемпинге. А что: море, песок, цивилизация с двумя нулями, м?

– Шутишь? – спросил я после некоторой паузы. – А приглашение?.. – я пытался направить разговор в нужное русло.

– Перекантуемся недельку, как на курорте, а там – закажем билеты обратно. Зато плывешь по морю на «Анне Карениной» и чувствуешь себя – человеком! А про Эрланген – соврём, – отмахнулась Людмила. – Скажем, что были – и всё.

– Хэлло! – с наружи послышался простуженный, будто наждачный мужской голос.

Я высунул голову из палатки.

– Кто там? – зевая, спросила Людмила.

Небритый, пузатый мужик в футболке морковного цвета на выпуск, в кроссовках на босую ногу, одной рукой протягивал блюдо, на котором едва разместились два стейка, отменно прожаренной, сочной свинины, другой – светлое пиво в высоких запотевших стаканах. В отблеске вечерней зари, мне показалось, что за спиной благодетеля на ветру трепетали петушиные крылья, однако рябь улетучилась. Сибарит в канареечных шортах до колен оставил нам угощение и – отошел к своим…

Семья из четырех человек располагалась напротив нашей «пэтэушной» палатки. Палатка у них, в сравнении с нашей, казалась дворцом, в котором было несколько отделений. Неподалёку дымился мангал. Ошалевшие дети бегали взапуски вокруг надувного катера. И хоть мы ни о чем не просили, но хотелось нормальных, человеческих отношений. Я преподнес толстяку, привезенные с собой сувениры. А, хлебнув пивка под шорох морского прибоя, естественно, нас разморило. Засыпая, прикинули: место 15 + завтрак 15 +8,25 обед +15, итого: 53,85dm. На рубли переводить не хотелось, от усталости махнули рукой и решили забыться.

Да куда там. Дети, увидев веломобиль, набежали со всех сторон. Они устроили прямо возле нашей палатки настоящую суматоху. Бесенята расшифровали «Катюшу» и забав-

лялись, можно сказать, вседозвольнически. Подремать удалось лишь тогда, когда в веломобиле разрядился аккумулятор. Однако это случилось лишь где-то под утро.

15. В субботу

В субботу, как сейчас помню, после дорогущего, по нашим меркам завтрака, мы решили выбраться на пляж. И не сразу поняли, что собственно происходит. Поначалу я даже выразил некоторую недоверчивость своему зрению. Людмила так даже поперхнулась недоговорённой фразой. Ведь ничего подобного в своей советской действительности мы не наблюдали ни разу. А, забегая вперед, скажу, что порнофильмы, да, мы увидим по ночному германскому телевидению, но это случится несколько позже. А тут…

– Игра, – отважилась сказать первой Людмила, – дань средневековой традиции, подобие любовных игрищ на праздник Ивана Купала.

Людмила растеряно вертела туда-сюда пушистой головкой, а между тем, в воде, на песке, в шезлонгах, словом, повсюду – дефилировали совершенные обнажённые взрослые, а с ними, надо думать, их дети.

– Они же католики – в основном, – сказал я, разглядывая

исподтишка симпатичную пляжную нимфу с бритым лобком.

– Католики? Скорее баптисты! Или эти…

– Да п-п-протестанты они, – ответил я, заикаясь. – Хотя, можно представить, что однажды люди прилетели отдыхать на остров Бикини, а там поголовно все голые, так?

– Угу.

– Голому человеку, куда спрятать оружие? Следовательно, это демонстрация всеобщего миролюбия.

И в подтверждение моих слов, по наитию, с разных сторон сбежались обнаженные парни и такие же загорелые девушки. Прекрасные – они встали в круг и затеяли игру в волейбол. Психиатры склонны называть подобных людей эксгибиционистами. Знатоки признают у них сексуальное отклонение, при котором человек достигает наибольшего полового удовлетворения путем демонстрации своих гениталий посторонним лицам, выбирая для этой цели многолюдные, публичные места. Но пока мы мудрствовали, раскрепощенная молодежь по-детски галдела, резвилась, наслаждаясь полной свободой действий. И, казалось, что для них наступило «совершенно совершенное лето»[7] в то время, когда собственные наши чувства подверглись нравственному и физическому испытанию. Мне так и чудились надзиратели, вооружённые ружьями обезьяны из фантазии Пьера Бу-

[7] В. Набоков.

ля.[8] Хотелось бежать, прятаться от неправдоподобной грёзы с одной стороны, а с другой – упиться терпким настоем тайного, мутного счастья подсмотренной, травматической правды. Контаминация образов, как световые радуги, смешенные с влажным песком, рельефно выделяли фруктовые формы девиц и мою замаскированную под романтику похоть. Я беспомощно, как осьминог, распластался на раскаленном песке, прикрыв стыдливо глаза. Однако я скоро перевернулся и вынужденно лёг на живот.

16. Дезертировать передумали!

Дезертировать передумали! На следующий день, энергично собрав манатки, взяли курс на Эрланген. А пристальнее разобрав карту на одном из разъездов, я, не без удивления, обнаружил, что мы, как минимум, полдня пилили в противоположном направлении от намеченной цели.

– Ерунда! – нервически расхохоталась Людмила.

Покусывая один другого словами, с грехом пополам, мы все-таки выбрались на нужную трассу. Но вскоре упёрлись в надпись: «Ремонт». По указателю свернули направо. А, завидев невзрачного мужичонку, хозяина такого же, как и он, невзрачного дома, мы вежливо попросили всего лишь на-

---

[8] Пьер Буль – автор романа «Планета обезьян».

питься; копейку мы, само собой, берегли, решив, что прекрасно обойдёмся «небесной» водицей. Но фермер, или шут его знает кто, буркнул, де, нет у меня для бродяг (то есть нас) ни фига!

В полдень, изрядно намаявшись, мы въехали на территорию населенного пункта под названием Кальтенхоф.

– Kalt – холодный; der Hof – двор, – перевела Людмила, поставив отметку в дорожный дневник.

– Холодный – в самый раз для такого пекла, – ответил я, выжимая из себя последние соки.

Под пение птиц в благодатной тени шелестящих прохладой столетних платанов, мы обнаружили дом, похожий на замок. Вокруг расположились жилые дома, цветочные палисадники, аккуратно остриженные газоны, ухоженный, чистый скот на полях; словом, перед нами открылся мирный, весьма приветливый уголок, однако, как нам показалось, совершенно безлюдный.

– Амба! – выдохнул я в отчаянии. – Пока не выехали из села, необходимо отремонтировать, а лучше всего заменить этот… чертов подшипник! А иначе – хана!

Припарковались на краю селения. Первой к нам подлете-

ла девочка лет двенадцати с волнистыми, темно русыми волосами, сосущая большой палец левой немытой руки. Моргая тенистыми ресницами, лесная фея миролюбиво воззрилась на нас, не обронив ни единого слова.

– Спроси, чего она хочет? – сказал я после затянувшейся паузы. – Может, думает, что мы колдуны!

На селянке презабавно смотрелись куцые панталончики с рюшами и бежевая, светлая маечка на тоненьких бридочках, под которой угадывались две голубки. За девочкой, будто выпорхнул из придорожных кустов барбариса, ромашковый ангел – трепетный, светлоокий мальчуган лет семи. Дети, молча, смотрели на нас будто мы, в самом деле, нежданно-негаданно свались к ним на дорогу с далёкой Луны.

Людмила разъясняет, что мы издалека, что мы русские, что приехали из России, из города Санкт-Петербурга, и что у нас сломалась наша педальная машина, и ей (машине) срочно нужен ремонт. Мальчик понял, утвердительно кивнул головой, и метнулся к дому за продольную изгородь. Однако скоро вернулся и жестом предложил следовать за ним.

Людмила скрылась за высоким кустарником. Я остался на трассе в компании длинноволосой девочки и не сразу заметил, что за мной наблюдают: мужчина, а за ним несколько женщин. Я двинулся к ним, но понял, что дети ожидали от меня, как от заезжего артиста, какого-то фортеля. Я со-

рвал травинку, растянул между пальцами и с силой дунул через неё. Вышло задорное: «Кукарекууу!»

Взрослые исчезли, когда я услышал:

– Игорь, нас ждут!

17. Дом, увитый плющом

Дом, увитый плющом, куст боярышника у порога. Из комнаты с белыми, будто прозрачными стенами, распашная дверь вела в сад. У окна – Саксонский кабинетный рояль цвета слоновой кости, над ним икона Спасителя.

Я поздоровался с мужчиной, которому на вид было лет шестьдесят. Его глаза увеличивали стекла очков в золотистой оправе. Он был облачен в джемпер малинового цвета, домашние, мягкие брюки. И, когда я вошел, он сидел за овальным столом, на котором был разложен карточный пасьянс. Хозяин дома выдохнул изо рта мутную речку сигарного дыма, внимательно посмотрел на меня, произнес:

– Меня зовут – Гюнтер Гёринг, я местный пастор. Не сомневайтесь, вам непременно помогут. Юни, – обратился он мальчику, – будь добр, принеси телефон.

В комнату, как в кинематографе, плавно, казалось, вплыла зареванная Людмила, а за ней женщина в простом, ко-

ричневом платье с белоснежным, накрахмаленным воротничком. Рената приветливо улыбалась, сочувственно кивала головой, подливая жене кофе из термоса. Гюнтер, положив трубку, уведомил:

– Кончено. Ступайте на трассу, – и, как ни в чем не бывало, углубился в игру.

– Железо без нас, – сказала Рената. – Мы с Людмилой немедленно едем к морю навстречу с друзьями!

Когда я вернулся к веломобилю, то обнаружил уже целое собрание аборигенов.

– Probleme?[9] – спросил один из них.

Без Людмилы мне стало непросто подбирать слова, тем более, увязывать их в предложения. Я попросту указал на «проблему» рукой, точно предал на казнь лучшего друга.

– А-а… – понимающе протянул человек в комбинезоне, – Scheiße! Kein Problem![10] И, не сходя с места, он набирает номер по радиотелефону.

Вокруг изобилие свежей, июньской зелени, игра солнеч-

---

[9] Проблемы? (нем.)

[10] Дерьмо – нет проблем (нем.).

ных бликов, дурман полевых трав. Мне почудилось, что я уже видел, и эти дома, и знакомые, почти родные лица людей. Раскидистые, высокие платаны, казалось, были посвящены в тайну села и его обитателей. Мужчины и женщины подходили с разных сторон, чтобы просто поздороваться, поддержать… Я очнулся, когда веломобиль закатили на брезент.

– Минуту, товарищи! – воскликнул я. – Я должен знать, во сколько обойдется ремонт?

Правдоподобие грезы распалось.

– Zur Ehre Gottes,[11] – произнес мужчина в белой сорочке с засученными по локоть рукавами. – Dreifaltigkeit![12]

– Что?.. Простите, я не совсем…

– Kein Geld,[13] – успокоил меня Петер Новаки, разливая игристое вино по бокалам.

Подшипник, впрессованный многотонным прессом, можно сказать, извлекли изящно незнакомым для меня профессиональным приспособлением…

– ГДР! – констатировал Вольфганг.

---

[11] Во славу Божью! (нем.)

[12] Троица! (нем.)

[13] Без денег. (нем.)

– Дерьмо! – подтвердил Клаус.

– Нет проблем! – подытожил Петер Новаки.

18. Чёрный, как воронье крыло

Чёрный, как воронье крыло, «Opel» Вольфганг Любек водит стильно, шикарно! Шир-шир, реет авто, словно над трассой летит, не касаясь планеты. В салоне прохладно не смотря на жару. И что удивительно: тихо, слышно, как стрекочут наручные часики. Вольфганг – спокойный, уверенный, ну чистой воды капитан!

Приехали в селение (названия я не помню), в котором находился специализированный магазин. Вольфганг выложил на прилавок «дерьмовый» подшипник, его заменили точно таким, но, разумеется, фээргэшным. Не моргнув глазом «капитан» выложил пятьдесят марок, и мы вернулись в Кальтенхоф. А тем временем из Киля в срочном порядке доставили «языка»: переводчицу Дуню (она сама так отрекомендовалась). А с ней – корреспондента местной газеты. Общий настрой у всех был явно приподнятый. Читалось на лицах: «Русские! К нам?! Что происходит?»

Праздничный стол немцы накрыли под открытым небом. А когда всё, наконец, устроилось и успокоились дети, Гюнтер Гёринг на правах священника произнес следующее:

– Прежде, чем чего-то достичь, – начал он с аффектацией

актера любителя, – надо учиться преодолевать себя и свой эгоизм. Всем – без исключения, – Гюнтер обвел взглядом присутствующих, – что греха таить, надоедают нотации. Однако, друзья мои, вспомним детство – вспомним нашу звёздную, летящую пору и всколыхнем в себе, то беззаботное время!

Вокруг рассмеялись.

– Не ошибусь, если скажу, что в детстве многим из нас мечталось увидеть мир своими глазами, приблизить его к себе, изучать не по книжкам, а натурально, таким, каким его создал для нас Господь. И вот мы – принимаем у себя Игоря и Людмилу, наших, не побоюсь этого слова, непрошеных гостей из далёкой России. Веломобиль простое, кажется, дорожное приспособление. Наши гости внесли оживление, радость, да? Ну, а если серьёзно, друзья мои, когда последний раз мы – вот так запросто собирались вместе за одним, праздничным столом? Никто не припомнит. Наша планета Земля будто мощный, державный корабль, а мы – неизменные, беспокойные её пассажиры! И пусть в недрах бушует огненный шквал, пламя неописуемой силы, которое движет как бы пружины, рычаги и колёса, а пар, вырываясь наружу, живописует и превращается в облака! Однако сколько чудесных, неуёмных фантазий, песен, баллад связанно с Царством небес, с лучами восходящего солнца, с радугой, с выраже-

нием вечной духовной гармонии и мечты о подлинном Божественном счастье, ибо, как сказал поэт: «Любящие – вне смерти!» Ура!

19. Утром

Утром случилось событие, которого мы никак не ожидали. Мы лишь высунули носы из палатки, Юнотан (сын пастора) преподнес нам, пахнущий типографской краской, свежий номер местной газеты. Под фотографией веломобиля подробно описывался ремонт и праздник, который устроили в нашу честь кальтенхофцы. Однако важно другое, а именно документально подтвержденный, публичный факт нашего пребывания в Германии, который возбудил в нас смешанные чувства. С одной стороны мы испытывали умиление и некоторое удивление, а с другой – вдруг стало понятно, что вольно или невольно, однако наш визит перешел как бы в посольство, которое, кстати, трогательно выразилось в еще одном документе, сопроводительном письме, составленным кальтенхофцами накануне нашего отъезда в Эрланген. Цитирую письмо так, как нам удалось его прочитать:

«Дорогие Люди!

Мы, русская пара, держим путь из Петербурга в Эрланген.

Мы просим Вашего разрешения поставить для отдыха

нашу палатку всего на одну ночь. Мы несём Мир и благодарим Вас за Вашу поддержку. Если Вы хотите узнать о нас больше, то можете обратиться по телефонам: (далее следуют фамилии и номера телефонов)

Спасибо Вам за помощь!»

Помимо ремонта веломобиля состоялся эпизод, о котором необходимо упомянуть особо. Но для начала стоит напомнить, что в нашем коммунистическом, следовательно, материалистическом мировоззрении – Бога не было. Мы и думать не смели ни о чём подобном. Случалось, что я слушал орган в Домском соборе в Риге, но, концерт, разумеется, не Божественная литургия. И вот, ни с того ни сего, Петер Новаки привез нас в Любек на мессу в католический храм.

Лишь стоило нам взойти, на потрескавшиеся от времени, каменные ступени перед входом, как мы услышали возвышающее, стройное пение в сопровождении органной музыки. В центре над алтарем – воплощённая боль, распятый Христос. Оглядевшись, мы не сразу заметили, что прихожан под сводами храма было немного. Впрочем, служба скоро окончилась. В финале – немолодой, отдышливый священник, пыхтя, взошел на амвон, процитировал отрывок из Евангелия на латинском языке. Затем он негромко, как мы поняли, стал проповедовать, но тут прихожане – все как один – развернулись и с удивлением воззрились на нас.

Сказать, что мы растерялись, смутились, значит, ничего

не сказать.

Трогательное, обостренное чувство коснулось наших сердец, как если бы нам выдали не часть, а сразу всю сумму радости, которую оценить невозможно. Тем не менее, стало понятно, что мы – такие как есть – есть часть огромного, сложного Мира, и перед Богом равны!

20. Накануне отъезда

Накануне отъезда в Эрланген – географический атлас 1976-го года – кальтенхофцы просто-напросто у нас отобрали как «хлам и позор». Взамен нам выдали новый, подробный, глянцевый, однако уже восстановленной, объединённой Германии. До Киля мы добрались без помех. По городу, как некогда, уже не блуждали. Киль проскочили легко тем же маршрутом. И смело рванули на Юг – теперь уже дальний!

Встречный, обжигающий зной пронизывал наши, избалованные городской негой, тела. Вслушиваясь в пьянящее пение птиц, мы навёрстывали упущенное время, наматывая на колёса веломобиля, точно магнитофонную ленту на перемоточной скорости, перспективу дороги. Раздолье, ухоженные, вольные поля с рапсом и цветущей гречихой, леса, пастбища, добротные, керамические крыши коттеджей мелькали по сторонам шоссе. Мы с удивлением наблюдали за повадками диких, рогатых оленей, которые совсем как ручные буднично паслись на полях. И словно дети, мы восхищались ле-

бединими стаями. Птицы размашисто били крыльями, поднимаясь ввысь, таяли в небесной лазоревой дымке на наших глазах. И казалось, что эти летучие создания, точно некие ангелы, сшивали границы стран незримыми нитями своих перелетов за горизонтом мечты.

От полдневного, раскаленного эфира, асфальт блестел как застывшая, стеклянная лава. Порой, было видно, как воздух колеблется, искажает дорожный ландшафт, вытягивая из нас остаток последних силёнок. На закате жар спал, справа по ходу мы заметили прямоугольный, скорей всего, искусственный водоём с камышом по периметру. Вокруг пруда гундосили жирные гуси, а пестрые утки-нырки соревновались в пожирании алого ариллуса.

– Всё! – вырвалось, наконец, у Людмилы, хотя до этого она, молча, вращала педали, как бы усиленно перемалывая свой внутренний мир общения. – Незнакомые, посторонние люди приняли, помогли с ремонтом, кормили нас бесплатно – три дня, предложили остаться, а тебе хоть бы хны!

– Людмила, мы должны ехать.

– Куда?!

– Сама знаешь – в Эрланген; нас для этого пригласили.

– Ха!

Людмила упрямо кивала головой, подтверждая внутренний взрыв отчаяния.

– Тебя отговаривали – хором! Почему не прислушался? Немцы определенно дали понять, что ехать на веломобиле в такую даль – небезопасно! Оглянись! Что видишь? Игорь, мы в поле! Где ночевать? Где голову преклонить? Где помыться, приготовить еду? На костре, как в каменном веке? Тебе никто не позволит…

– У нас есть письмо…

– Игорь, да пойми же ты, наконец, мы не в России! Здесь Европа! Здесь живут люди, у которых совершенно иные порядки! Кошки, коровы, утки, олени – и те под присмотром, а мы?..

Тем временем к нам подошел щуплый, плешивый мужчина среднего роста. Казалось, что его сучковатый нос и плохо выбритый, неопрятный кадык, скрывали в нем образ местного фавна. Бруно сказал, что прочёл о нас в газете еще утром, и спокойно указал место нашей ночевки посреди поля, на котором разгуливал его скот. Жена моя тихонько посмеивалась, пока я возился с палаткой, но когда Бруно принес ведро с холодной водой, а с ним целую корзину сырых яиц, Людмила как запоёт:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны…

Резвым козликом, перескочив через женский кочедыжник по гипотенузе, фермер ретировался к себе, зато через четверть часа у нас были, и вареные яйца, и масло, и хлеб…

Под звездами смиренно щипали траву симпатяги бараны, а голая задница щербатой луны, как «клинический случай запущенной эротомании», нисколечко уже никому не мешала.

21. Ни свет, ни заря

Ни свет, ни заря квёлая баба с пучком мышастых волос явилась за нами, чтобы призвать нас к столу. Дом, снаружи облицованный серым мрамором, внутри оказался незавершённым и гулким как Московский вокзал. Туалетная комната была настолько тесной, что мне едва удалось пристроить колени, что было странно при общих, я бы сказал, грандиозных масштабах строения в целом.

Хозяйка не представилась. Она позволила нам в ванной умыться, причем в очередь, дожидаясь под дверью. Завтрак прошел на втором этаже трехэтажного дома в полнейшем молчании. Бруно, насытившись, без церемоний вышёл из-за стола, наскоро обозначил в нашем атласе «только что проложенный, новый путь», уверяя, что так для нас будет намного короче. А через минуту где-то внизу натужно взревел, судя по всему, мощный дизельный двигатель. За окном мелькнул

конуса света. Из-за дома выкатился одноглазый, как циклоп, экскаватор. Мы, поблагодарив, казалось, полуживую хозяйку, поспешили за Бруно, и очень скоро пожалели об этом.

Между железобетонными плитами – щели с краеугольными, рваными гранями. Для колес веломобиля, которые рассчитаны на передвижение по асфальту, в крайнем случае, по грунтовой дороге, пыльный, точно лунный ландшафт – катастрофа. Как только мы натолкнулись на бригаду дорожных рабочих, Бруно высунулся из кабины своего экскаватора, и радостно указав на нас крюченным пальцем, зычно крикнул подельникам:

– Русские – вон! Я говорил…

Называется: «Сократили дорогу!» С досадой, не оглядываясь, мы двинулись дальше. Объезжая валуны и комья засохшей глины, мы потеряли два часа (как минимум) драгоценного времени. Скоро восстановилась жара, а с ней наши влажные лица и ароматные майки. Пот скатывался по лицу, разъедая глаза, точно в парной. Мне пришлось повязать на голову женин платок, в котором я выглядел как заправский антрепренер или шпанский лабазник. Однако встав, как говорится, на трассу, мы разогнались и даже прилично, можно сказать, с шиком въехали в миленький Зегеберг, где слегка заплутали. Улочки, переулочки, домики, будто сахарные петушки, леденцовые мостовые – нас умиляли. Чтобы

разжиться продуктами и водой, спешились. Бросив веломобиль у входа в магазин, вошли в него злые как флибустьеры с пиратского судна.

Покупателей – ноль. Чистота точно в кунсткамере. На стеллажах хрусталь. Дрожит, переливается в свете витрин разнообразнейшая и, видно, дорогая посуда. В простенках, на потолке – антураж, зеркала. Мы размножились в них, будто кинологические черти, когда на нас обратила внимание карамельно-розовая трибада.[14]

– Игорь, чего она? Уставилась.

– Делай вид, типа, мы Белка и Стрелка.

– Кто? – с усмешкой спросила Людмила.

– Улыбайся, – режиссировал я под сурдинку.

Я на минуту отвлекся, напевая: «Орлёнок, орлёнок…», как вдруг прозвучало:

– Хочу – апельсин! – Людмила показывала пальцем на аккуратно составленную горку цитрусовых.

– Бери, кто тебе не даёт?

– Да, но я не знаю, сколько что стоит!

– Люда (блин) какая муха тебя укусила? Ценники под носом: читай…

– Где? Я не вижу.

---

[14] Трибада (греч., от tribein – тереть).

А заслышав русскую речь, продавщица еще больше насторожилась. В своем воображении я четко представил обозленных овчарок и элегантных гестаповцев, прикрывающих скрещенными ладонями нижнюю чакру муладхара.

– Что это?! – прокричала твердыня силы на полную мощь своих потрясающих легких.

– Где – это? – оторопело переспросил я жену.

– Булочка! – лицо Людмилы просияло, будто внутри у нее включился прожектор.

Я показал жене ценник. Она, поперхнувшись, упрямо сказала:

– Хочу!

– Люда, – произнес я как можно теплее, – в пересчете на наши деньги, этот (блин) кусок теста тянет на шестьсот рублей! Шесть сот, понимаешь?

– Да.

– Шесть сот! – я старательно вложил в уши жены интонацию астрономического значения еще раз.

– Хочу! – но теперь уже тихо повторила она, сверкнув глазами, полными удушающих слез.

Немка шагнула вперед…

– Идиотка, положи булку! – прошипел я придушенным зайцем.

– Nein![15] – ледяным, рассыпчатым залпом прокатилось по торговому залу немецкое эхо.

Не деньги удручают, а их отсутствие. Я завелся. Я трещал как механический, заведенный болван про другой магазин, в котором цены на продукты «не бешеные». Я напомнил Людмиле о том что, если мы хотим добраться до цели то, необходимо во всём себе отказывать. А между тем слёзы Людмилы, точно хрустальные бусы, катились под ноги врагу. И меня это бесило!

Разобщенные мы вышли из лабиринта товаров. Паточный городишка в мгновение ока сделался тусклым и совершенно безрадостным. Наши рты рожали чудовищ. Жемчужные облака обрушились, осыпаясь, казалось, липкими насекомыми с мягкими лапками. Мы пронзали один другого словами как острыми стрелами притом, что я отчётливо понимал, что неправ – неправ… Но я кричал, изобличал, уверял… Я выскочил из веломобиля и пошёл наугад, как дурак, не разбирая дороги. Во мне бушевали вихри, сонмы мучений, ниспадающих молний…

В бессознательном состоянии, мы не заметили, как вкатились в город под названием Бад Олдеслое, в котором, разумеется, помирись.

---

[15] Нет! (нем.)

22. Однообразие утомляло

Однообразие утомляло. Тишайшие, дремотные улицы, повсеместное цветочное украшательство, порой, нас доводили до одури. В голове так и сыпались пафосные, обличительные диатрибы и хотелось крикнуть: «Эй, домоседы, очнитесь: русские в городе!» Ну, а если без шуток то, на поиски «языка» иной раз уходила уйма драгоценных минут. Однако именно разности-несуразности нас окончательно примирили. Омытые радостью, мы едва не влетели в аварию.

– Ой, мадам, мы вас не сразу заметили! Просто вы так резко свернули… Простите, тысячу извинений…

Из открытого автомобильного окна, казалось, раскаленного докрасна «Opel Corsa», фрау с комбинационными глазками, не обращая внимания на извинения с нашей стороны, без предисловий полоснула вопросом:

– Holland?

– Голландия? – переспросил я. – Нет, драгоценная, вы ошиблись. Мы русские – русские из Ленинграда…

– Из Санкт-Петербурга! – поправила меня Людмила, слегка толкнув локтем в грудь.

Наладив связь с одутловатым, дряблым своим личиком, дама, потешно дрыгая ножками, а потому не сразу, однако выпорхнула из авто, которое так и осталось торчать на проезжей части, перегородим дорогу по диагонали.

– Was ist mit der Flagge? Nicht russisch.[16] – усомнилась она.

– Флаг русский! – ответил я в таком же наступательном тоне. Флаг царь Пётр Первый учредил.

– А-а, – протянула фрау с ухмылкой, – Горбачёв – перестройка!

Даму, что называется, мотнуло, при этом ее чуть не сбила проезжающая мимо машина. Однако, заметив, атлас немка накинулась:

– Путешествуете? Куда направляетесь?

– Мы… направляемся в Эрланген…

– Куда? – переспросила немка.

– В Эрланген, – ответила Людмила, – на ежегодный фестиваль веломобилей. У нас даже есть официальное приглашение. Людмила достала папку с документами.

– О, замечательно, великолепно! – воскликнула немка и нос ее покрылся лёгкой испариной.

– Пожалуйста, если не трудно, – сказала Людмила, – по-

---

[16] А флаг? Не русский. (нем.)

кажите, куда, как проще, быстрее выехать за загород? Ваши улицы так пустынны…

Узнав о том, что мы из России, женщина в фиолетовом платье с розовой фишю, стала усиленно артикулировать. Она выделяла, будто печатала каждую букву в отдельности, точно мы в один миг превратились в душевнобольных:

– В-и-д-и-т-е в-ы-с-о-к-о-е д-е-р-е-в-о? – Да, – удивилась Людмила. – Т-у-д-а!

Указав направление, странного вида мадам энергично вскочила за руль авто и укатила, оставив нас полном недоумении.

Однако серебристый красавец тополь, в самом деле, возвышался при выезде из Бад Олделое. Под деревом была лужайка, на ней – две фигуры. В черном – мужчина, рядом с ним – вы догадались.

– Also![17] – многозначительно произнесла немка, мерцая короткими, словно остриженными ресничками. – Перед вами мой муж, его зовут Мартин. Он архитектор. Меня зовут Зигрит. Я – медсестра. А дальше: «Цирлих-мацирлих, наш дом в двух шагах, пожалуйста, не отказывайтесь, погостите, у нас вам будет намного удобней, чем в палатке…»

– Да-да, вы доставите нам удовольствие, – поддакивал,

[17] Итак! (нем.)

словно «черный тюльпан» архитектор, энергично кивая головой. При этом его напомаженные усики дергались, будто второпях они были неровно приклеены перед выходом на задание.

Что сказать? Ну да, мы спешили. Да, нам очень хотелось добраться до цели. Но с другой стороны: почему нет? Людмила из веломобиля перекочевала в авто Зигрит, Мартин втиснулся на сиденье рядом со мной. Мы развернулись, как на военном параде, и скоро оказались на месте.

23. Дом, который…

Дом, который спроектировал Мартин сам для себя, оказался – умеренным, то есть не слишком большим, не слишком маленьким, однако, удобным во всех отношениях. Первым делом Мартин выкатил свой глянцевый «Opel» из подземного гаража, внедрив в него наш hand-made.[18] Я из овечьего любопытства поинтересовался: «Зачем, почему он счудачил?» Мартин, проводя дальнейшую рекогносцировку, уверил, что так сохраннее. Вы (то есть мы) гости, а веломобиль – эксклюзивная вещь, за которой необходимо присматривать.

Войдя в дом, медсестра предложила «продезинфициро-

[18] Рукоделье (анг.)

вать наш гардероб». А пока мы скоблили себя в душевой, в автоматической стиральной машине, о которой «тогда» мы могли только мечтать, уже вращались наши пожитки.

После небольшой адаптации, Мартин любезно зазвал меня и Людмилу в подвальчик, где находился уютный, хорошо оборудованный мини-бар. Судя по всему, наши новые знакомые были настроены весьма радушно и предложили распить с нами по бокалу Моэта. Однако после второй распитой бутылки, мы узнаем о том, что Мартин и Зигрит родились и выросли в Кенигсберге, то есть в Калининграде (бывшей столице Восточной Пруссии). Я насторожился, поскольку муж сестры моей матери Фёдор Петрович Волков воевал в Кенигсберге в звании майора Красной армии, выполняя обязанности военного комиссара. Хотя о том, что происходило в осажденном городе на самом деле, разумеется, я знать не мог.

– Расстреливали, уничтожали нещадно, – с дрожью в голосе продолжала чеканить слова фрау Зигрит. – В августе англичане, после них русские, следом американцы…

– Мертвые лежали прямо на улицах, – вторил жене Мартин, – некоторые тела разорваны на части, раздавлены танками…

– «Давай, давай, йо-вашу мать!» – орали нам русские. – Детей, женщин, всех – без разбора гнали неизвестно куда.

– Паника, голод, болезни, ужасная вонь, – рассказывал

Мартин. – Кто мог воровать – воровали, варили крапиву, одуванчики, лебеду, на помойных свалках раскапывали картофельные очистки, вываренные кости из супа. Люди отлавливали и ели домашних животных. И даже наполовину сгнивших покойников.

– Ужас! – повторяла через каждое слово Зигрит. – И хотя мы были детьми, многое, слишком многое помнится до сих пор. Но, спустя много лет, мы узнали о подобных вещах, которые происходили во время войны в Ленинграде.

– Вот почему мы вас пригласили, – заключил архитектор.

Иступлённые, они жадно, перебивая один другого, еще долго загружали наши головы свирепыми фактами своих воспоминаний. И чтобы как-то развеяться, Мартин принес из подвала старенький патефон «Electrola». Глядя на вращающиеся черные диски, мы вслушивались в голоса тех, кого давно не было в списках живых. Мы разбирали пожелтевшие письма, некоторые со стихами и рисунками. И только за полночь, когда, наконец, мы с Людмилой остались одни, под шорох внезапно обрушавшегося на город ливня, в голову полезли разнокалиберные в основном невеселые мысли.

24. Проведению было угодно

Проведению было угодно, чтобы мы столкнулись с живыми свидетелями трагедии, которая состоялась между на-

шими народами в середине двадцатого века. И, если до нашего приезда в Бад Олдеслое со стороны простодушных кальтенхофцев упоминания о Второй Мировой Войне были, но как бы вскользь – невзначай, то теперь всё кардинально изменилось. Сами того не желая, в нас постепенно просыпалось чувство высокой моральной, а сказать больше, духовной ответственности.

После краткого молитвословия: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру…», которое прозвучало во время совместной утренней трапезы – семейная пара из заштатного городка Бад Олдеслое всенепременно решила свести нас со своими друзьями. Для чего им это понадобилось, мы понять не могли, отнекивались поскольку, естественно, торопились, к тому же нам не хотелось никого утруждать.

– Никаких возражений! – чеканила фразу за фразой Зигрит. – Это приказ! Вы наши – наши, и всё!

Да, нас присвоили, приобщили к себе. Но, к слову сказать, нам тоже хотелось понять: как живут, чем дышат современные немцы в более широком, послевоенном диапазоне. «Вряд ли представится иная возможность, – рассуждали мы между собой, – будь что будет!». И мы решили подстроиться по Станиславскому в новых предлагаемых обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.